

Сознание было насильственно вырвано из бескрайней ледяной тьмы.

Первым, что он ощутил, был не свет, а боль. Острая, разрывающая душу головная боль, словно его дух грубо втиснули в слишком тесный и чуждый сосуд. Следом нахлынул хаос: в голове замелькали чужие обрывки воспоминаний — шумные призывы выпить, стук игральных костей, разгульный смех... а еще густой, тошнотворный запах перегара, проникавший повсюду.

— Угх... — он издал мучительный стон и с трудом разлепил тяжелые веки.

Зрение прояснилось. Перед глазами предстала картина роскошного, но совершенно разоренного помещения: резные окна, дорогие свитки с живописью, а на полу — груды пустых винных кувшинов и опрокинутые столы. Воздух был пропитан кислым запахом похмелья. Он попытался резко сесть, но тело отозвалось невыносимой тяжестью и слабостью, словно из него выкачали все силы.

Где это?

Он машинально попытался воззвать к своему духовному чутью, но с ужасом обнаружил, что некогда бескрайняя, подобная океану мощь, теперь жалка и ничтожна! Еще сильнее его потрясло то, что его колоссальное совершенствование... исчезло, осталась лишь половина!

Половина!

Это осознание обдало его ледяным душем, моментально протрезвив. Он, Мэй Ван Ду, повелитель мира призраков, внушавший страх как небожителям, так и демонам, теперь обладает лишь половиной своей былой силы?! Это было позорное падение с небес в самую грязь. В момент этого душевного потрясения в его сознание хлынул новый поток воспоминаний, принадлежавших владельцу этого тела.

Жун Му, по прозвищу Аньмо, пятнадцати лет от роду, законный наследник семьи Жун из Цзиньчэна... распутный гуляка, невежда, известный на весь город своими безумствами... Прошлой ночью он до беспамятства напивался в самом знаменитом трактире Цзиньчэна — Пьяном бессмертном, проигрывал деньги и кутил с сомнительной компанией.

— Мерзавцы!

Чувство абсурда и клокочущий гнев захлестнули его. Он резко повернулся к тем, кто лежал рядом — несколько юношей в богатых одеждах, мертвецки пьяных, валялись вповалку на кровати и на полу, оглашая комнату храпом.

В ярости он, повинаясь инстинкту, с присущим королю величием и жестокостью, рявкнул на них. Но из его горла вырвался лишь хриплый, еще не до конца сломавшийся подростковый голос. Несмотря на попытку звучать властно, в нем не хватало силы, и это звучало нелепо.

Однако то, что поразило его сильнее грома и заставило замереть, было двумя словами, сорвавшимися с губ:

— Ван, этот правитель!

Эти слова были выжжены в глубине его души, став неотъемлемой частью его самосознания после кровавых битв и восхождения на вершину мира призраков. Даже переродившись в чужом теле, даже лишившись половины сил, эта привычка, впитавшаяся в кости, проявилась сама собой в момент помутнения рассудка. А осознав это, он ощутил лишь еще большую волну унижения и ярости!

Эта проклятая привычка ежесекундно напоминала ему, насколько смехотворно и ничтожно его нынешнее положение! Тот, кто когда-то смотрел на три мира свысока, теперь стал Жун Му — презиравым всеми бездельником из Цзиньчэна! Гнев, подобно раскаленной лаве, бурлил в груди, едва не разрывая это слабое тело. Он так сильно сжал кулаки, что ногти впились в ладони, причиняя острую боль, — только так удалось подавить импульс превратить спящих рядом в кровавое месиво. Нельзя терять самообладание! Он глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться.

Гнев не решит проблем. Ему нужно немедленно разобраться в ситуации. Превозмогая недомогание, он аккуратно отодвинул чужое тело и сполз с кровати. Ноги, коснувшись пола, подкосились — тело было серьезно истощено из-за постоянных излишеств. Он подошел к бронзовому зеркалу в углу. В нем отразилось лицо юноши лет пятнадцати-шестнадцати. Довольно красивое, но бледное, с глубокими темными кругами под глазами — явные следы порочного образа жизни. Взгляд был тусклым и пустым. Это был Жун Му, его нынешний облик.

Мэй Ван Ду смотрел на свое отражение, и его глаза, прежде пылавшие яростью, постепенно стали холодными и глубокими. Это был взгляд человека, познавшего жизнь и смерть, скрывающего бесконечные расчеты — взгляд, который пугающе контрастировал с молодым лицом.

— Половина силы... — прошептал он, ощущая внутри себя энергию, которая, хоть и была далека от былой, все же казалась колоссальной по меркам обычных смертных. — Это позор, но... и надежда.

По крайней мере, у него есть сила, он не беспомощен. Эта половина его былой мощи станет опорой для возвращения в этом чужом мире и горькой иронией над его прошлым величием. Он начал лихорадочно соображать. Перерождение? Это дар судьбы или... часть глубокого заговора? Что стало с Се Мовзеем? Дрогнуло ли хоть что-то в сердце учителя, когда он выпил отравленное вино? Что сейчас происходит в мире призраков? Без хозяина там, должно быть, воцарился полный хаос? Тысячи вопросов кружились в голове.

Сейчас главное — как можно быстрее восстановить силы, чтобы иметь возможность защитить себя и начать расследование. При мысли о восстановлении он встрепенулся. Почти

инстинктивно он поднял правую руку, концентрируя волю, пытаясь призвать предмет, неразрывно связанный с его душой — маску по имени Цинь, которая сопровождала его в походах и была свидетелем его любви и страданий.

Раньше стоило ему лишь пожелать, как Цинь, где бы она ни находилась, превращалась в призрачный свет и оказывалась в его руке или на пальце в виде кольца. Это был его верный, преданный до мозга костей спутник.

Раз — никакой реакции.

Два — пальцы пусты.

Три... Его сердце ушло в пятки.

Он сосредоточил остатки духовного чутья, пытаясь дозваться до нее. Но в ответ — лишь пустота, словно духовная связь между ним и Цинь была насильственно разорвана какой-то могущественной силой!

Что происходит?!

И тут, в момент замешательства, из глубин памяти всплыл фрагмент, который он намеренно постарался забыть — одно из последних действий перед тем, как он выпил яд!

Он вспомнил!

Чтобы окончательно порвать с прошлым, или, вернее, в порыве отчаянного саморазрушения, он не только запечатал большую часть своих воспоминаний и чувств... но и полностью запечатал Цинь!

Вместе с половиной своих сил и бесчисленными козырями он спрятал ее в глубине той самой маски!

Более того, в тот момент, охваченный безнадежностью, он заодно уничтожил Знамя десяти тысяч душ, которое сопровождало его восхождение и поглотило бессчетное количество призраков!

Гром среди ясного неба! Мэй Ван Ду застыл на месте, его лицо стало белее бумаги. Запечатал Цинь... и уничтожил Знамя десяти тысяч душ?! Он что, сошел с ума?!

Неописуемое чувство сожаления и боли охватило его! Маска Цинь была не просто артефактом, это была половина его жизни, воплощенная в форму, обладающая высоким интеллектом, невероятно послушная и преданная!

Он ясно помнил, как выглядела Цинь:

Черная маска, закрывающая все лицо, сделанная из материала, который был холоднее камня и металла. В левом верхнем углу были инкрустированы четыре распустившихся кроваво-красных розы. Узоры были настолько изящны, что казались живыми, а края лепестков отливали призрачным светом. Остальную поверхность маски покрывали переплетенные шипы, тянущиеся от корней роз, создавая опасную и притягательную красоту. У рта маски не было прорези, лишь изогнутая вниз линия, выражавшая упрямую обиду и скорбь. Именно так выглядела Цинь — имя, которое он дал ей сам, символизирующее чувства, которые он искал всю жизнь, но так и не обрел, превратив их в одержимость и кармический огонь.

У Цинь было три формы.

Самая частая — форма маски, которая скрывала ауру и усиливала духовную мощь.

Когда он ее не носил, Цинь превращалась в простое кольцо из черного железа на среднем пальце правой руки.

А во время боя Цинь могла стать острым как бритва темным мечом, обвитым кровавыми шипами и розами, несущим в себе мощь преисподней.

Такой верный, могущественный и преданный спутник... он собственноручно запечатал его! Вместе с половиной своей драгоценной силы! И Знамя десяти тысяч душ... пусть оно и было создано злыми методами, но это было божественное оружие, на которое он потратил столько сил! Яростное раскаяние заставило его едва не бить себя в грудь.

Если бы Цинь была при нем, если бы Знамя десяти тысяч душ осталось, разве стал бы он сейчас таким жалким, запертым в теле никчемного слабака?

Однако сожаления бесполезны. Что сделано, то сделано, нужно смотреть правде в глаза. Сейчас важнее всего найти способ снять печать и вернуть Цинь. Но печать наложил он сам, а значит, она невероятно сложна и требует особых условий для снятия. До тех пор ему придется полагаться на остатки силы и личность Жун Му, чтобы закрепиться в этом мире смертных.

Он снова посмотрел на свое отражение. Взгляд полностью успокоился, оставив место лишь холодному расчету. Ярость и раскаяние были подавлены, холодная решимость Мэй Ван Ду вновь взяла верх. Жун Му... ха, — он растянул губы в холодной, лишенной веселья усмешке, глядя на юношу в зеркале. — С сегодняшнего дня это новая личина этого правителя.

Разгульная ночь в Силоу была лишь прологом к новой пьесе. Путь впереди долг и полон опасностей, но он, Мэй Ван Ду, никогда не опустится на самое дно. Се Мовэй, мир призраков и все те, кто задолжал ему — он вернет всё до последней капли!

Он поправил измятую, пропахшую вином одежду, напоследок холодно взглянул на спящих на кровати людей и, не колеблясь, толкнул дверь номера, полного дурманящего запаха разврата.

За дверью ждал незнакомый коридор и совершенно новый день, предназначенный для Жун Му. Но под этой оболочкой скрывалась пробудившаяся душа Короля призраков, несущая в себе половину былой мощи и неистовую одержимость.

<http://bllate.org/book/18805/1828726>